

ЕРОФЕЙ ТРОФИМОВ

СОТНЯ
КАВКАЗСКИЙ КРЕСТ

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Т76

Серия «Боевая фантастика»

Иллюстрация на обложке *Бориса Аджиева*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Трофимов, Ерофей

Т76 Сотня. Казачий крест: роман / Ерофей Трофимов. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2024. — 352 с. — (Боевая фантастика).

ISBN 978-5-17-165778-9

Жизнь, она всякие сюрпризы преподносит. Бывает и так, что, провожая в последний путь близкого человека, ты вдруг оказываешься переброшенным примерно на сотню лет назад, но в свою же собственную семью, где вдруг выясняется, что твой возможный предок оказался сожжён ударом молнии. Вот и не верь тут в совпадения, если и тебя перебросило тем же разрядом. Теперь тебе остаётся только жить и сделать всё, чтобы твоя семья не сгинула в горниле всяческих революций начала прошлого века.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-165778-9

© Ерофей Трофимов, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

Влажные комья земли глухо стучали по крышке гроба, и Матвей невольно содрогнулся от этого звука. Только теперь он осознал, что деда, сильного, сурового мужика, больше нет. Что не будет больше долгих молчаливых посиделок за вечерним чаем, не будет его угрюмого ворчания и твёрдых, мужских советов. Дед Роман был родовым казаком, пережившим всё. И войну, и рассказаживание, и голодные послевоенные годы, но всегда умудрялся оставаться самим собой.

Станичный кузнец не боялся ни бога, ни чёрта, а к властям всегда относился как к досадному недоразумению. На него несколько раз пытались завести дело, но даже НКВДшные ухари отступались, наткнувшись на твёрдое упрямство родового казака. Да и профессия помогала. Лучшего кузнеца во всей округе было не найти, а вменить ему в вину саботаж или некачественную работу не было никакой возможности. Дело своё дед любил и всегда делал на совесть.

Могильщики сформировали могилу и, утрамбовав землю лопатами, быстро отступили в сторону. Глядя на свежий холмик и староверский крест, Матвей сглотнул стоящий в горле ком, но так и не смог заставить себя повернуться к могиле спиной. Словно что-то удерживало его на месте. Немногие знакомые и друзья делали робкие попытки вернуть парня в реальность, а он продолжал стоять, словно надеясь ещё раз услышать такой родной голос.

Накрапывал редкий дождь, но Матвей не замечал, как по лицу и шее медленно стекают холодные капли.

— Небо его провожает, — расслышал парень дрожащий старушечий голос.

— Да. Небо, — еле слышно выдохнул Матвей.

Долгий раскат грома заставил его чуть вздрогнуть и очнуться. Тряхнув головой, парень медленно повернулся, но не успел сделать и шагу, как кладбище озарилось ярчайшим ударом молнии. Собравшиеся дружно вскрикнули, закрывая ладонями лица, а когда проморгались, рядом со свежей могилой никого не было. Только выжженная до состояния стекла земля и кучка пепла...

* * *

— Господи Иисусе Христе сыне Божий... — расслышал Матвей сквозь звон в ушах и попытался пошевелиться, но тело отказалось повиноваться.

Мысли текли вяло, словно вязли, как мухи в патоке. Болело всё, даже те мышцы, о существовании которых Матвей и не подозревал. И почему-то было очень тяжело дышать. Словно его заколотили в тесном гробу. Вздохнув, Матвей собрался с силами и сделал ещё одну попытку пошевелиться. Новая вспышка боли в корне пресекла и эту попытку, заставив парня замереть и невольно застонать от боли.

— Хосподи, никак живой?! — ахнул кто-то всё тем же старушечьим голосом.

«А чего это мне живым не быть?» — удивился Матвей, делая очередную осторожную попытку пошевелиться.

— Ой, гляньте, пальцами шурудит! — слышался другой голос, и Матвей, вдруг разозлившись, по-

нял, что просто обязан показать всем, что он не просто живой, а ещё и всех этих ворон переживёт.

Злость и унаследованное от деда упрямство заставили боль отступить, и он, напрягая все силы, заставил правой руку сжаться в кулак.

— Господи, и вправду живой! — охнул мужской голос, и тут же чьи-то сильные, мозолистые ладони сжали его лицо.

Потом кто-то крепко встряхнул его тело и в самое ухо хрипло гаркнули:

— Матвей, сынок, очнись! Дай знак хоть какой!

— Ой, не ори, и так башка отваливается, — попытался высказаться парень, но вместо этого из горла выпал только сиплый, едва слышный стон.

— И вправду живой, — охнул теребивший его мужик. — Баню топите! — раздался его громовой рык.

Потом Матвей почувствовал, как его подняли и куда-то понесли. Возражать или ещё как-то спорить парень даже пытался. Не было ни сил, ни возможности, ни даже желания. Он вообще не понимал, что вокруг происходит. Ведь последнее, что он помнил, это громовой раскат на кладбище. Потом вспышка, и всё. И вот теперь темнота, боль и какие-то незнакомые голоса вокруг. Да ещё и баня эта. Баня-то тут вообще при чём? У него дома нормальная ванная имеется.

Это было последнее, что успел подумать Матвей. Дальше навалилась спасительная темнота.

В себя он пришёл как-то разом. Словно кто-то повернул выключатель. Сначала он начал различать звуки, потом сквозь закрытые веки начал пробиваться свет, а после снова навалилась боль. Но на этот раз всё было не так плохо, как вначале. Да, снова болело всё, но теперь эту боль можно было хоть как-то терпеть, хотя на глаза наворачивались невольные слёзы.

Кое-как отдышавшись, Матвей принялся осторожно инспектировать собственное тело. Пальцы на ногах начали шевелиться через пару минут упорных попыток двигать ими. Руки отозвались немного быстрее. А вот с головой всё было не так радужно. Поворачиваться и вообще хоть как-то шевелиться она отказывалась. Первая мысль, мелькнувшая у Матвея, что сломан позвоночник. Но, подавив панику, он напомнил себе, что в этом случае и глаза бы не открывались.

Да и вообще, подобная травма обычно заканчивается смертью пациента. Особенно если его таскают в баню на руках и ворочают с боку на бок, словно куклу. А тут он как-то мыслит, значит, где-то даже существует. Выходит, всё не так страшно. Переждав очередной приступ боли, Матвей сосредоточился на шейных мышцах и принялся медленно поочерёдно их напрягать. По плечам, спине и шее пошли мурашки и началось покалывание сродни тому, какое бывает, если затечёт какая-то конечность.

Но примерно минут через пять голова кое-как пошевелилась. Это была маленькая, но победа. Приободрившись, Матвей дал себе немного отдышаться и принялся снова разминать шею. Поочерёдно напрягая все доступные мышцы торса, он добился некоторого результата. Голова медленно, со скрежетом и скрипом, повернулась. Убедившись, что может шевелиться, парень собрался с духом и медленно открыл глаза.

Первое, что он увидел, большой стол, сколоченный из толстых досок. Что называется, на века сделанный. За ним, у стены, — широкая крепкая лавка. Да и сама стена была необычной. Шершавой, белёной известью. Такого дома у Матвея не было точно. Но самое странное, что поразило парня, иконы в углу. Широкий киот, несколько потемневших от

времени икон и лампадка под ними. Вот тут Матвея проняло всерьёз. Это был не его дом. Не его комната, не его постель. Даже одеяло и то было чужим.

Вздрыгнув всем телом, Матвей очередным усилием воли подавил надвигающийся приступ паники и, закрыв глаза, заставил себя сосредоточиться на увиденном. Но ничего не получалось. Вдохнув, парень снова открыл глаза и уставился в деревянный, белённый известью потолок. И именно эта вездесущая извёстка заставила его поверить, что он оказался непонятно где и непонятно как. И только теперь Матвей понял, что нечто подобное он видел в станичном доме деда.

«Это что же, меня в дедовский дом привезли? — думал он, скользя взглядом по доскам потолка. — Но зачем?.. Да ну. Не может такого быть. Дедову хату давно соседям продали. Он же у меня в городе жил. Кузня его никому не нужна стала, вот я его и уговорил переехать. Мы ж с ним одни остались. Ну да. Как родители погибли, так и всё. Из всей семьи только мы двое».

После этой мысли в памяти, словно специально, всплыла фотография, на которой его родители, ещё совсем молодые, только после свадьбы, стояли на крыльце дедовой хаты. Это была его любимая фотография. Он хранил её на отдельной полке в резной рамке. Матвею было двенадцать, когда родителей не стало. Пьяный водитель грузовика уснул за рулём и на полном ходу врезался в остановку, где родители ждали рейсового автобуса. Мать тогда была беременна вторым ребёнком.

После похорон дед забрал внука к себе и на все попытки властей забрать сироту только угрюмо басил:

— Я ещё вас всех переживу. А внука не замай. Мой он. И жить со мной будет. А коль попробует кто силой, так я и зашибить могу.

И для наглядности складывал в штопор новенькую подкову. Благо в сарае их целая корзина валялась. Силушки старому кузнецу было не занимать. Это знали в станице все. И участковый в том числе.

Школу Матвей закончил в райцентре и после долгих размышлений решил податься в суворовское училище. Благо физически он всегда был развит и в аттестате ниже двух четвёрок оценок не было.

Но после училища стать офицером ему было не суждено. Страна начала разваливаться. Люди, желающие служить государству, оказались никому не нужны. Всем правил рынок. Отслужив срочную в армии, в разведке морской пехоты Тихоокеанского флота, Матвей вернулся в родную станицу и, убедившись, что жизнь на гражданке превратилась в нечто непонятное, попросил совета у деда. Ведь что делать дальше, было вообще непонятно.

— Учись, сынок, — помолчав, вздохнул старый кузнец. — К чему душа лежит, тому и учись. А дальше — как бог даст.

* * *

Вошедшая в комнату женщина выставила на стол широкую корзину с какими-то овощами и, отерев руки передником, подошла к лежанке, на которую уложили Матвея. Оглядев парня с какой-то жалостью, она вздохнула и, покачав головой, тихо спросила:

— Сынок, может, хочешь чего. Вижу ведь, что не спишь.

— Воды, — хрипло произнёс Матвей, судорожно соображая, кто это.

Кивнув, женщина вышла куда-то за печку и через минуту вернулась, неся в руке глиняную чашку.

Ухватив его за шею, она с неожиданной силой приподняла парню голову и, поднеся чашку к губам, командовала:

— Пей, только не спеши, обольёшься.

Матвей припал к чашке, попутно продолжая судорожно вспоминать, кто это и почему лицо этой женщины ему так знакомо. Выхлебав всё, что она принесла, парень благодарно кивнул и попытался опереться локтем о кровать, но рука подвела, и он бессильно рухнул на большую пуховую подушку. Охнув, женщина жалостливо скривилась, но тут же взяв себя в руки, молча ушла на кухню.

«Что-то мне это напоминает, — подумал Матвей, провожая её взглядом. — Вот честное слово, такое уже со мной было. Ещё вспомнить бы, где и когда».

Но додумать свою мысль парень не успел. В сенях послышались тяжёлые шаги, и в дом вошёл высокий жилистый мужик с роскошными чапаевскими усами и аккуратно подстриженной бородой. Приветливо кивнув женщине, он оглянулся на лежащего Матвея и, едва заметно усмехнувшись, спросил:

— Ну как ты, казачок?

— Жив покуда, — заставил себя прохрипеть Матвей.

— Ну и слава богу. Вставать-то пробовал? — не отставал мужик.

— Не получается, — мотнул парень головой.

— Да куда ему ещё вставать-то, Гриша? — неожиданно вступила женщина в разговор. — Давеча едва живым не схоронили, а ты уже вставать.

— Цыц, баба, — беззлобно рыкнул мужик. — Нашего он корня, а значит, так просто не помрёт. Жив, значит, и двигаться может.

— Окстись, Гриша, — не унималась женщина. — Где ж это видано, чтоб человека молоньей стукнуло,

а он уж через три дня ходить начал. Бога моли, что уберёт кровиночку.

— Ну, завыла, — обречённо махнул мужик широкой ладонью. — Уймись, Настасья. Не гоню я его. Но коли так и станет далее в постели валяться, никакой молитвой уж не поднимешь. Покуда казак жив, значит, и двигаться может.

— Да будет он двигаться, будет, Гриша. Дай только срок, — не уступила женщина.

— Добре. Поглядим, — помолчав, вздохнул мужик. — А сам-то что скажешь? — повернулся он к парню. — Будешь шевелиться-то?

— Уже пробую. Да тело словно не моё, — нехотя признался Матвей. — Вон, только что воды попросил, а удержаться на локте не смог. Не слушаются ещё руки. А что вообще со мной случилось? — осторожно спросил он, настороженно рассматривая мужика.

— А ты не помнишь? — удивился тот.

— Ничего не помню. Как отрезало, — качнул Матвей головой.

— От ведь... — тряхнул мужик роскошным смоляным чубом. — Ты на заднем дворе с шашкой упражнялся, когда гроза началась. Вот молонья прямо в шашку и стукнула. Думали, всё. Спалил Господь сына. А оказалось, нет. Живой. Прямо на отпевании и очнулся. Поп едва сам себя кадилом не зашиб, когда ты руками шерудить принялся. Спасла царица небесная, — закончил он короткий рассказ, истово прекрестившись.

— А какой теперь год, дяденька? — решившись, тихо спросил Матвей.

— Ты чего это, паря? — изумлённо охнул казак. — Какой я тебе дяденька?! Батька я твой кровный. Григорий Лютый. Весь наш род от создания веку

Лютыми были. И ты Лютый. Неужто не помнишь? — растерянно уточнил он.

— Нет, — судорожно сглотнув враз пересохшим горлом, еле слышно признался Матвей.

Это и вправду была их родовая фамилия. Лютые. По семейной легенде, фамилия эта пошла от основателя рода, Елисея Лютого, пластуна характерника, умевшего превращаться в волка. Понятно, что сказка, но эти сказки в казачьей среде звучали часто, так что некоторое основание под ними, возможно, и было. Но Матвея сейчас волновало совсем не это. В их генеалогическом древе Григорий Лютый был прапрадедом самого Матвея. А это имя парень носил в честь своего прадеда.

По всему выходило, что перед ним прапрадед с прапрабабкой. Именно с этого казака их семья и стала известными на всю округу кузнецами. Где уж Григорий сумел выучиться этому непростому ремеслу, одному аллаху известно, но мастером он был настоящим. Умел не только колхозный инвентарь ковать, но и оружие всякое. Говорили, что даже оружие огненного боя ремонтировать умел. Глядя на ожившую семейную легенду, Матвей судорожно пытался понять, что происходит и где он вдруг оказался.

Растерянно покрутив головой, казак обречённо махнул рукой и, развернувшись, вышел из хаты. Матвей перевёл взгляд на женщину и вздрогнул. Она смотрела на него полными слёз глазами.

— Выходит, вы мамка моя? — решившись, осторожно уточнил парень.

Он вообще пока старался делать всё очень осторожно. Потому как не понимал, что происходит и как это всё объяснить.

— Мамка, — чуть всхлипнув, кивнула женщина.

— А остальные где? Ну, там, братья, сёстры, — задал Матвей следующий вопрос.

— Так сестру твою, Марью, прошлой осенью замуж отдали. А боле и нет никого, — снова всхлипнула женщина.

А вот об этой ветви семьи Матвей ничего не знал. Затерялась семья в круговерти всех случившихся событий.

— А год какой теперь? — поинтересовался Матвей, пытаясь выудить хоть какие-то крохи информации.

— Так тыща восемьсот девяносто восьмой от Рождества Христова, — вздохнула женщина, утирая слёзы.

«Твою мать! Деятнадцатый век!» — ахнул про себя Матвей, роняя голову на подушку.

Сознание начало медленно мутиться, и спустя минуту парень просто отключился. Похоже, после всех полученных травм психика его просто не выдержала.

В себя Матвей пришёл уже вечером, чувствуя, что тело всё так же отказывается ему подчиняться. Но навалилась очередная беда. Выпитая днём вода настойчиво просилась наружу, а в доме, как назло, никого не было. Понимая, что ещё немного и случится большая неприятность, Матвей собрал все имевшиеся силы и принялся переводить себя в сидячее положение.

Ухватившись рукой за край лежанки, парень с глухим стоном принялся поднимать торс. Голова взорвалась резкой болью от напряжения, но тело медленно начало приподниматься. С матюгами, слезами и стоном усевшись, Матвей переждал приступ тошноты и принялся спускать с лежанки ноги. Рядом с лежанкой обнаружались кожаные чупяки. Кто их

сюда поставил, Матвей не знал, да и не особо в этот момент интересовался. Главное, что не босиком до скворечника во дворе шкандыбать.

Кое-как утвердившись в сидячем положении, Матвей сунул ноги в чупяки и, резко выдохнув, попытался встать. Ноги подогнулись, и он со всего размаху грохнулся на скоблённый дощатый пол. От удара головой он в очередной раз потерял сознание. В себя его привели чьи-то руки и тихое, жалостливое причитание.

— Куда ж ты вскочил, сынок. Едва богу душу не отдал, и всё вскочить норовишь, — тихо причитала Настасья, пытаясь перетащить его обратно на лежанку.

— Погоди, мать. Мне б на двор, — нашёл в себе силы произнести Матвей.

— Ох ты ж господи. Так ты потому и вскочил? — охнула женщина. — Так потерпи чуток, я сейчас горшок принесу.

— Лучше помоги дойти, — упёрся Матвей, который всегда терпеть не мог ощущать себя беспомощным.

— От ведь порода Лютая, — заворчала женщина, помогая ему встать на ноги. — Что не мужик, так упрямее осла будет. Идём уж, горе моё, — бубнила она, помогая ему передвигаться.

Выбравшись на крыльцо, Матвей на минутку остановился и, оглядевшись, растерянно вздохнул. Перед ним было обычное казачье подворье. Крепкий плетень, всякие хозяйственные постройки и белёный всё той же известью дом под соломенной крышей. Добравшись с помощью Настасьи до туалета, Матвей кое-как справил свои житейские дела и, выбравшись из скворечника, замер, пережидая очередной приступ головокружения и тошноты.